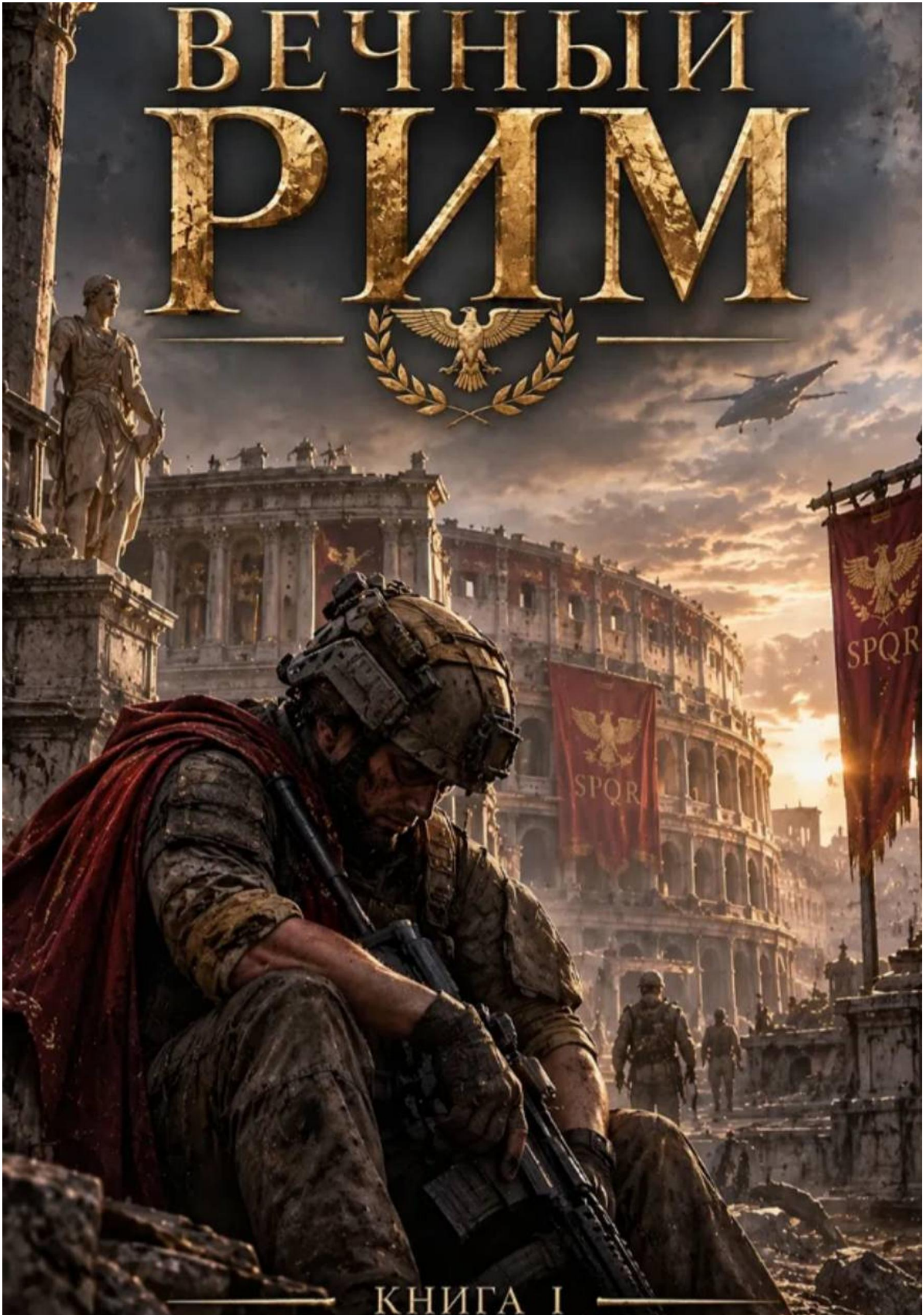
ВЕЧНЫЙ РИМ

КНИГА I

Marcus Aeternus

Вечный Рим

«Автор»
2026

Aeternus M.

Вечный Рим / M. Aeternus — «Автор», 2026

2026 год. Римская империя не пала. Она пережила две тысячи лет, поглотила полмира, но осталась прежней: Сенат считает прибыль, а на востоке затаился Китай.Тит — обычный парень из итальянской деревушки. Его мир — старый оливковый пресс, вечная очередь за водой и отключение света в 22:00. Тит не мечтает о славе. Но когда Североамериканский Альянс объявляет Риму войну за торговые пути, в его дверь стучат. Повестка.Пока в мраморных залах Сената делят контракты, Тит отправляется в грязь окопов. Ему предстоит пережить бойню, потерять лучшего друга, получить незаслуженную медаль и вернуться домой. Но главное открытие ждет его впереди: в Вечном Риме человеческая жизнь ничего не стоит.

© Aeternus M., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4. 13
Глава 5 15
Глава 6 18
Интерлюдия 1 20
Глава 7 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Marcus Aeternus
Вечный Рим

Пролог

В древности многие предрекали Риму гибель. Варвары у стен, гражданские войны, чума и голод. Но Рим выстоял.

В 476 году нашей эры вождь германцев Одоакр не сверг императора, а присягнул ему на верность, став римским генералом. С этого дня Империя перестала бояться варваров — она начала их нанимать. Провинциям дали автономию, чтобы они не бунтовали. А главное — армию перевели на государственное жалованье.

Солдат, который получает монеты из рук императора, не имеет родины, за которую стоит бунтовать. Он имеет только приказ.

Рим научился ждать. Он пережил промышленную революцию, но провел её не через рынок, а через государственные заводы. Он пережил две мировые войны. Он построил «Форум» — всеобщую информационную сеть, чтобы каждый гражданин знал правду.

Сегодня Рим — это порядок. Это закон. Это вечность.

Глава 1

В Валле-Секка война начиналась не с сирены.

Она начиналась с тишины. С гула старого трансформатора, который стоял за кооперативом. В двадцать два ноль-ноль он издавал протяжный вздох, и весь квартал погружался в темноту. Это называлось *«энергодефицит»*. В официальных бумагах писали красиво: «плановое ограничение подачи ресурсов в провинциях с низким экономическим индексом».

Мой дед называл это проще: «Рим экономит на нас свечи».

Я стоял на коленях перед оливковым прессом, засунув руки по локоть в его чугунное нутро. Пресс назывался *torculum*. Ему было сто двадцать лет. Он был старше моего отца, старше деда и, казалось, старше самой империи. Каждое утро я приходил в кооператив — *Collegium olearium*, как было выбито на бронзовой табличке у входа, — и начинал день с того, что уговаривал эту тушу металла не разваливаться окончательно.

Пахло переспелыми оливами, машинным маслом и пылью. За стеной, в цеху, женщины перебирали плоды, и их голоса сливались в ровный гул.

— Тит! — крикнул из цеха Луций. Мой друг и напарник. — Ты там уснул? У нас бочки ждут!

— Сейчас! — отозвался я, подкручивая клапан.

Пресс чихнул, дернулся и нехотя начал выдавливать первую порцию масла. Я вытер руки ветошью и подошел к окну. За окном был виден наш городок. Не Рим с его мраморными куриями и неоновыми вывесками, а обычная итальянская провинция. Акведук, построенный еще при Траяне и давно обветшавший. Пыльные улицы. Очередь у водопроводной колонки.

Я вышел на улицу, чтобы набрать воды. Очередь стояла привычная. Синьора Марцелла, которая всегда ворчала. Несколько рабочих из соседнего цеха. И мой дед, который пришел с палкой, хотя жил в двух шагах.

— При Траяне, — начал дед, глядя на то, как вода с шумом льется в ведро Марцеллы, — воду давали бесплатно. И подогревали.

— При Траяне, — Марцелла выпрямилась и смерила его презрительным взглядом, — у тебя не было стиральной машины, старый ты пень. Ты бы сейчас сдох от дизентерии.

Дед не нашелся, что ответить. Он вообще плохо спорил с женщинами, у которых была стиральная машина. У нас дома стиральной машины не было. Только жестяная ванна, кипятильник и мать, которая умела ругаться так, что глохли сверчки.

Я набрал воды и понес ведро обратно в кооператив. На стене, над входом, висела *tabula publica* — государственная доска объявлений. Обычно на ней висели указы курии о налогах, графики отключения света и списки штрафов. Сегодня там висел новый указ: «О повышении акциза на соль и муку в связи с нестабильностью торговых путей на Западе».

Я прочитал его дважды. «Нестабильность на Западе». В школе нам рассказывали, что Запад — это Северная Америка. Североамериканский Альянс, который уже лет сто пытался торговать с Римом без пошлин. Империя не разрешала. Империя никогда ничего не разрешала бесплатно.

Внутри кооператива на стене хрипел черный ящик радио. Он работал от аккумулятора, потому что днем с электричеством тоже были перебои. Я подошел и повернул ручку громкости.

«…новости Империи. На восточной границе, в провинции Месопотамия, ситуация остается без изменений. Китайская Федерация продолжает плановые учения, не нарушая государственных границ Вечного Рима. Сенат выражает уверенность в мирном разрешении…»

Я выключил радио. «Без изменений». Я слышал эту фразу каждый день последние полгода. Сначала она меня успокаивала. Потом начала раздражать. А потом я перестал обращать

на неё внимание. Если что-то постоянно «без изменений», значит, там что-то происходит, о чем нам не говорят.

Вечером я вернулся домой. Электричество уже отключили. Отец сидел за кухонным столом при свете керосиновой лампы и паял старый радиоприёмник. Новый стоил как месячная зарплата. Мы не могли его купить.

— Держи, — он сунул мне в руку маленькую лампу накаливания, подключенную к самодельному аккумулятору. — Свети сюда. Только ровно, не тряси.

Я поднес лампу к его рукам. Стекло обожгло пальцы.

— Держи ровно, — повторил отец. — Свет — это инструмент. Если ты его трясешь, я вижу не плату, а свою смерть в отражении. Понял?

— Понял, — сказал я, вглядываясь в тонкие дорожки на зеленой плате.

В комнату вошел дед. Он тяжело опустился на стул, посмотрел на нас с отцом и сказал:

— Соль подорожала. Завтра фиги подорожают.

— Это из-за Альянса, — сказал отец, не отрываясь от паяльника. — Они перекрывают пути.

— Это из-за Сената, — отрезал дед. — При Траяне Сенат не трогал фиги.

— Дед, — вздохнул я, держа лампу. — При Траяне не было Альянса.

— При Траяне, — дед посмотрел на меня, и в его глазах блеснула странная тоска, — при Траяне Рим был Римом. А сейчас это налоговая контора с акведуком.

Он встал и ушел в свою комнату. Мы с отцом остались сидеть в тишине. Я смотрел на свет лампы в своих руках. Он дрожал.

Я не знал, что через две недели эта жизнь закончится. Я не знал, что мне принесут повестку. Я просто сидел и держал свет, потому что отец сказал, что свет — это инструмент.

А утром в дверь постучали.

Глава 2

Стук в дверь раздался ровно в семь утра.

В нашей провинции не принято стучать так рано. Электричество отключали в двадцать два ноль-ноль, и к утру все обычно спали до первых лучей солнца, если не нужно было идти на смену. Я выполз из-под тонкого одеяла на раскладушке, натянул штаны и пошел открывать.

На пороге стоял старик в выцветшей серой форме курии. Почтальон. В руке он держал плотный бумажный конверт с сургучной печатью — красной, тяжелой, с оттиском орла.

— Тит Валерий Руф? — прохрипел он.

— Да, — ответил я, чувствуя, как внутри что-то неприятно сжимается от одного вида этой печати.

— Это не тебе, — старик сверился с бумажкой. — Это Луцию Флавию. Живет через две улицы отсюда, в доме с зелеными ставнями. Ты его знаешь?

Я кивнул. Еще бы я его не знал. Луций был моим лучшим другом и напарником по кооперативу.

— Распишись, — почтальон сунул мне в руки конверт и какую-то амбарную книгу. — И передай ему лично. Это из префектуры мобилизации.

Я поставил закорючку в книге, забрал конверт и закрыл дверь. В доме было тихо. Отец еще спал, дед кашлял в своей комнате, а мать гремела тазиком на кухне.

Я сел на край раскладушки и посмотрел на конверт. *Префектура мобилизации*. Значит, началось. То, о чем шептались на рынке, о чем ворчал дед и спорил старик со шрамом. Война перестала быть новостью по радио. Она стала куском плотной бумаги с красной печатью.

Я быстро оделся, накинул куртку и вышел на улицу. Утренний воздух был свежим, пахло пылью и оливковыми деревьями.

Пока я шел к дому Луция, в голове сама собой всплыла картинка двухдневной давности. Тогда мы с Луцием стояли на рынке, и мир вокруг был совершенно другим. Обычным.

...Кожевенная лавка Корвина пахла кислой выделкой и старым потом. Я пришел туда к открытию, потому что нам в кооператив срочно нужен был новый приводной ремень. Старый лопнул вчера вечером, и я всю ночь провозился с ним в мастерской. С металлом я умел разговаривать, а кожа меня не слушалась.

— Тит, — сказал Корвин вместо приветствия. — Опять ваш пресс?

— Опять, — кивнул я.

Пока Корвин копался в ящиках, на рынке начал собираться народ. Утро было прохладным, но солнце уже припекало, и над деревянными прилавками поднимался запах пыли, свежего хлеба и специй.

— Тит! — раздался голос.

Луций шел ко мне, лавируя в толпе. Он был на полголовы выше меня, вечно взъерошенный, с улыбкой от уха до уха.

— Ты чего здесь? — спросил я.

— Мать послала за солью, — Луций остановился рядом и сунул руки в карманы куртки. — Говорит, с утра очередь, а к обеду всё разберут. А ты?

— Ремень. Наш порвался.

Луций усмехнулся. Мы заплатили Корвину и пошли к доске объявлений — *tabula publica*. У стены курии стояла кучка людей. Они не разговаривали, просто смотрели на белый лист, приклеенный поверх старых указов.

— «О повышении акциза на соль, муку и сушеные фрукты в связи с нестабильностью торговых путей на Западе...» — прочитал я вслух.

— Сушеные фрукты, — пробормотал Луций. — Это же фиги.

— Это всё, — раздался голос за нами.

У колонны стоял старик со шрамом на подбородке. Тот самый, что когда-то служил на востоке.

— Альянс перекрыл морские пути, — сказал он тихо. — Сенат ввел пошлины. Завтра соль будет дороже. Послезавтра — мука.

— И кто уступит? — спросил Луций, начиная раздражаться.

— Тот, у кого быстрее кончится соль, — старик усмехнулся и пошел к своей лавке.

Мы купили соль. Потом дошли до прилавка Дорна, где я хотел взять фиг для матери.

— Дорн, — сказал я. — Мне полкило.

Он посмотрел на меня, потом на ценник, переписанный заново. Цифра была в два раза больше обычной.

— Почему так дорого? — удивился я.

— Восток закрывают, — вздохнул Дорн. — Фиги везут из Александрии. А на востоке сидит Федерация. Они перекрыли торговые пути.

— Китайцы? — Луций фыркнул. — Ты серьезно? Китайцы из-за гор перекрыли нам фиги?

— Я не знаю, кто что перекрыл, — отрезал Дорн. — Я знаю, что мне привезли товара в два раза меньше. Бери или уходи.

Я заплатил. Фиги оказались мелкими и сухими.

Луций всю дорогу возмущался: говорил, что если начнется война, он первым пойдет в легион и покажет этим варварам. Я слушал его и молчал. Я думал о старике. «Они ждут».

В школе нам рассказывали, что Китайская Федерация — это огромная страна, которая всегда была нашим врагом, но никогда не переходила границы. Я никогда их не видел. Но почему-то именно тогда, глядя на мелкие сухие фиги в кульке, я впервые почувствовал, что они существуют. И они ждут.

Вечером я вернулся домой. Электричество отключили в двадцать два ноль-ноль. Отец паял приёмник, а Публий — мой пятнадцатилетний брат — заявил, что если начнется война, он всё равно пойдёт в легион.

— Ты будешь читать американцам лекции про пошлины? — засмеялся я.

— Я буду стрелять, — обиделся Публий.

Отец тогда отложил паяльник и сказал: «Ты слишком глуп, чтобы понимать, за что».

Тогда мы все думали, что это просто разговоры. Просто подорожавшая соль. Просто новости.

...Я остановился перед домом Луция. Зеленые ставни были открыты. Я поднялся на крыльцо и постучал.

Дверь открыла его мать. Увидев меня, она улыбнулась, но улыбка быстро сползла с её лица, когда она заметила конверт в моей руке.

— Тит? — позвала она. — Что это?

— Это Луцию, — сказал я, чувствуя, как пересохло в горле. — Из префектуры.

Луций вышел на шум. Он был в одной рубахе, сонный. Взглянул на конверт, потом на меня. Взял его, сломал красную печать.

Он читал молча. Всего пару секунд. Потом поднял глаза.

— Ну вот и всё, — сказал он тихо. — Теперь и я навоююсь.

Глава 3

Проводы Луция были короткими и неловкими.

В Валле-Секка не умели провожать на войну. У нас не было оркестров, мраморных вокзалов и плакатов с суровыми лицами легионеров. Был только старый грузовой поезд, который останавливался на нашей станции раз в неделю, чтобы выгрузить удобрения и забрать новобранцев.

Мы стояли на перроне — я, мать Луция, его младший брат и несколько соседей. Пахло углем и нагретым металлом.

Мать Луция плакала, но не голосила, а просто беззвучно вытирала глаза уголком платка. Брат смотрел на поезд широко раскрытыми глазами.

Луций был в новенькой, еще не обмятой серой форме. Она сидела на нем мешковато, и он казался в ней чужим.

— Ну, — сказал он, глядя на меня. — Ты там это... пресс не сломай без меня.

— Постараюсь, — ответил я.

Мы не обнялись. В нашей провинции мужчины не обнимаются на людях. Просто пожали друг другу руки. Крепко, до хруста в костяшках.

Отец Луция умер, когда мы были детьми, поэтому напутствие давал я. Я достал из кармана старый складной нож с деревянной ручкой. Хороший нож, я сам затачивал лезвие.

— Держи, — я сунул его Луцию. — Там пригодится.

Луций взял нож, повертел в руках и сунул в карман формы.

— Ты не умеешь писать, — вдруг сказал он. — Так что я тебе писать не буду. Ты все равно не прочитаешь.

— Я научусь, — сказал я.

Поезд дернулся и зашипел. Пора было садиться.

Луций поднялся на подножку, обернулся. Мать сунула ему в руки узелок с сушеными фигами.

— Привези мне шлем, — крикнул его брат. — Настоящий! С гребнем!

Луций усмехнулся, махнул рукой и скрылся в темноте вагона.

Поезд тронулся. Мы стояли и смотрели, как вагоны уходят в утренний туман, пока последний красный огонек не скрылся за поворотом.

Я вернулся в кооператив. Без Луция там стало тихо. Пресс работал, масло текло в бочки, женщины перебирали оливы, но гул голосов стал глуше. Я весь день просидел в мастерской, чиня какой-то старый насос, и ловил себя на мысли, что жду, когда из цеха раздастся голос Луция. Но он не раздавался.

Прошло две недели.

Повестка Титу пришла в четверг.

Я снова возился с прессом — на этот раз заклинило клапан давления. В мастерскую зашел дед. Я услышал его шаги, но не обернулся.

— Тит, — сказал он.

В его голосе было что-то такое, отчего я сразу выронил гаечный ключ.

Я обернулся. Дед стоял в дверях. В руке он держал плотный бумажный конверт. С красной сургучной печатью. С оттиском орла.

— Тебе, — сказал он.

Я вытер руки о ветошь и взял конверт. Бумага была тяжелой. Я сломал печать. Внутри лежал сложенный вчетверо лист.

«На основании Указа Императора Августа IV и постановления Сената о всеобщей мобилизации... гражданин Тит Валерий Руф... обязан явиться в префектуру мобилизации... для прохождения воинской службы...»

Я не помню, как дочитал. Буквы плыли перед глазами.

Дома было тихо. Мать сидела на кухне. Увидев меня, она сразу всё поняла. Не по лицу, а по тому, как я держал этот листок. Она не заплакала. Она просто встала, подошла ко мне и крепко обняла.

— Значит, теперь твоя очередь, — сказала она.

Вечером мы ужинали в полной тишине. Отец пытался шутить, что теперь, мол, в кооперативе станет тише, но шутка вышла кислой. Публий смотрел на меня со странной смесью зависти и ужаса.

На следующий день я пошел в курию. Очередь в префектуру мобилизации тянулась по коридору. Люди стояли молча. Кто-то курил, кто-то нервно теребил рукав. Мы все понимали, куда нас отправляют. На Запад. Туда, где Альянс перекрыл морские пути.

— Следующий!

Я вошел в кабинет. За столом сидел чиновник с усталым лицом. Он даже не поднял на меня глаза, просто протянул руку за повесткой.

— Здоровье? — спросил он.

— Здоров.

— Хронические болезни?

— Нет.

Он поставил пару печатей в моей карточке и сунул мне пачку каких-то бумаг.

— Явка через три дня. Сборный пункт — станция Валле-Секка. Возьмите с собой сменную одежду, обувь и все медицинские справки, если есть. Не опаздывать.

Три дня пролетели как в тумане.

Вечером накануне отъезда отец позвал меня на кухню. Электричество уже отключили. Он сидел при лампе и паял приёмник.

— Держи, — он сунул мне в руку маленькую лампу накаливания.

Я поднес лампу к его рукам. Стекло обожгло пальцы.

— Держи ровно, — сказал отец, не поднимая глаз от платы. — Свет — это инструмент. Если ты его трясешь, я вижу не плату, а свою смерть в отражении. Понял?

— Понял, — сказал я.

Он отложил паяльник и посмотрел на меня. Впервые за долгое время я увидел, что он постарел.

— Там, на фронте, — сказал он тихо, — не думай о Риме. Не думай об Императоре. Думай о том, как вернуться домой. Вернись домой, Тит. Слышишь?

— Слышу.

Утром я надел свою единственную приличную куртку, взял вещмешок и вышел на улицу.

Поезд на станции шипел и выпускал клубы пара. На перроне стояли такие же, как я. Молодые парни и мужчины постарше. Кто-то курил, кто-то прощался с семьями.

Мать поцеловала меня в лоб и сунула узелок с едой. Публий стоял рядом и молчал. Дед пожал мне руку своей сухой стариковской ладонью.

Я поднялся на подножку вагона. Поезд дернулся. Я посмотрел в окно и увидел, как мать подняла руку, чтобы помахать мне вслед, но не смогла — уткнулась в плечо деда.

Я сел на деревянную скамью.

В вагоне пахло потом, табаком и страхом. Напротив меня сидел парень примерно моего возраста, нервно крутивший в руках стальной крестик. Сосед справа — усатый мужчина лет сорока — спал, привалившись к стене.

Поезд набирал скорость. За окном проплывали оливковые рощи, акведуки, поля.

Вскоре я понял, что повестка — это не просто бумажка. Это билет в одну сторону.

Глава 4.

Поезд тащился на север двое суток.

За окном проплывали бесконечные оливковые рощи, потом равнины, потом серые скалы. В вагоне пахло потом, табаком и сыростью. Напротив меня сидел парень лет двадцати пяти с обветренным лицом и вечно сжатыми кулаками. Он назвался Марком, сказал, что он из рыбацкой деревни на побережье, и всю дорогу молчал.

Я держал в кармане куртки отцовский складной нож, который он сунул мне перед отъездом. Я не знал, зачем он мне нужен. Наверное, отец думал, что на войне я буду резать им хлеб. Или врагов. Мне не хотелось думать ни о том, ни о другом.

На третье утро поезд сбавил ход и остановился. Двери вагонов с лязгом отъехали в сторону.— Выходи! Быстро! — заорали снаружи. — Оставляем вещи, берем только документы!

Мы высыпали на платформу. В лицо ударил холодный ветер.

Лагерь назывался **Castrum Aquilae** — Лагерь Орла. Он раскинулся на огромном плато, окруженном колючей проволокой и бетонными стенами. Бараки стояли ровными рядами. Над воротами висел огромный плакат: *«Рим не спрашивает, сколько ты прожил. Рим спрашивает, сколько ты убил»*.

Нас выстроили в шеренгу. Я оказался между Марком и каким-то долговязым парнем, который трясся от страха и шептал молитву на незнакомом диалекте.

Перед нами появился сержант. Он был невысокого роста, но широкий в плечах, как шкаф. На его лице застыло выражение смертельной усталости. На груди висели три медали.

— Меня зовут сержант Сервилий, — сказал он. Голос у него был хриплый. — С этого дня вы — не крестьяне, не рабочие и не сыновья сенаторов. Вы — *tirones*. Новобранцы. Мясо для Империи.

Он прошелся вдоль строя.

— Я не буду вас учить любить Императора. Император вас не знает. Я не буду вас учить любить Рим. Риму на вас плевать. Я буду учить вас выживать. Потому что если вы не выживете, то погибнете. А это — плохой показатель для моего подразделения. Вопросы?

Один парень поднял руку.— А когда нам выдадут броню?Сержант посмотрел на него, как на идиота.— Броню? — переспросил он. — Парень, ты видел, сколько стоит броня? Броню получают элитные части. А вы — обычная пехота. Вы будете воевать в том, в чем приехали.

Он развернулся.— Отделение! *Ad signum!*

Я не понял команду. Я вообще не понимал латынь. Марк дернулся и встал прямо. Я посмотрел на него и повторил.

— *Ad signum* — это «по знамени», — прошипел Марк. — Это значит «стройся». Запомни, идиот.

Сержант заметил мою заминку. Он подошел ко мне вплотную. От него пахло оружейным маслом и дешевым вином.— Как тебя зовут, солдат?— Тит Валерий Руф, — ответил я.— Тит, — сказал он. — Если ты будешь тормозить в бою, тебя убьют быстрее, чем ты успеешь сказать «мама». Понял?— Понял.— Не слышу!— Понял! — заорал я.

Первые недели были адом.

Нас поднимали в пять утра. Мы бегали по грязи, ползали по-пластунски, учились стрелять из старых армейских винтовок. Они были тяжелыми, с деревянными прикладами, и после каждой очереди воняли сгоревшим порохом.— Чистите оружие, пока оно не станет блестеть! — орал сержант Сервилий. — Если ваша винтовка заклинит в бою, вы умрете, и я лично приду на ваши похороны, чтобы плюнуть на вашу могилу!

Днем мы изучали тактику. Вечером — устав. Ночью я лежал на жесткой койке в бараке, слушал, как храпит Марк, и думал о доме.

Однажды вечером сержант раздал нам бумагу и карандаши.— Пишите родным, — сказал он. — У вас есть пятнадцать минут.Я взял карандаш и уставился на пустой лист. Что я мог сказать? Что здесь холодно? Что еда — это серая каша с куском хлеба? Что я впервые увидел человека, который умер от дизентерии в соседнем бараке?

Я написал:*«Дорогая мама. У меня всё хорошо. Кормят нормально. Сержант у нас строгий, но справедливый. Я учусь стрелять. Скоро буду защищать Рим. Передай привет отцу и Публию. Не волнуйся за меня. Твой Тит.»*

Я посмотрел на письмо. Слова были ровные и пустые. Я сложил лист, запечатал его и отдал сержанту.Он забрал его, даже не взглянув.

А утром нас подняли по тревоге.Сержант вошел в барак. Его лицо было каменным.— Слушайте внимательно, — сказал он. — Вчера Альянс перекрыл морской путь в Аквитанию. Сенат официально объявил войну.В бараке повисла тишина.— Вы не едете домой, — продолжил Сервилий. — Вы едете на фронт. Вас распределяют в Третью пехотную когорту. Сбор через два часа.

Марк сжал кулаки. Кто-то в углу барака тихо заплакал.

Я стоял и смотрел на свои руки. На них уже были мозоли от винтовки. Я вспомнил отца, который паял приёмник. Вспомнил его слова: *«Свет — это инструмент. Держи ровно»*.

Я подумал, что сейчас свет погас. И никто не знал, когда он снова загорится.

Глава 5

Фронт пах не порохом и не славой. Он пах гнилой водой, мокрой землей и тухлыми яйцами.

Нас привезли в Аквитанию под проливным дождем. Грузовики остановились в грязи, и мы выпрыгивали из кузова прямо в жижу, которая чавкала под ботинками.Вокруг тянулись бесконечные траншеи. Окопы были вырыты на глубину человеческого роста, обложены мешками с песком и досками. На дне плескалась коричневая вода.

— Добро пожаловать в ад, — сказал сержант Сервилий, сплевывая на землю. — Здесь вы будете жить. Здесь вы, скорее всего, умрете. Обживайтесь.

Меня распределили в отделение. Восемь человек. Мы с Марком попали к одному сержанту, а через пару часов я услышал знакомый голос.

— Тит! Ты что, сдох уже?!

Я обернулся. Ко мне шел Луций. Он был в такой же серой форме, перепачканной грязью, но всё такой же вечно взъерошенный. Увидев меня, он расплылся в улыбке.

— Луций? — я не поверил своим глазам. — Как ты здесь оказался?

— Да нас с тобой в одну когорту распределили, идиот! — он хлопнул меня по плечу так, что я чуть не упал. — Я же говорил, что мы вместе будем надирать задницы Альянсу!

— Ты говорил, что я не умею писать, — ответил я, чувствуя, как от его присутствия внутри становится чуть теплее.

— А это правда! — засмеялся Луций. — Но стрелять я тебя научу. Пойдем, покажу, где тут можно поспать, чтобы тебя не залило водой.

Первые три дня мы обживались. Учились спать на деревянных нарах, не снимая ботинок. Учились есть жидкую кашу из жестяных мисок. Учились не высовывать голову выше бруствера.

Луций был прав. Он учил меня всему. Как правильно держать винтовку, чтобы отдача не выбила плечо. Как менять магазин в темноте на ощупь. Как определять, какой звук опасен, а какой нет.

По ночам над нами пролетали самолеты. Их гул был тяжелым, давящим. А потом где-то вдалеке, за линией горизонта, начинали ухать орудия.*Бум. Бум. Бум.*Земля вздрагивала. С потолка блиндажа сыпалась песчаная крошка.

— Это наши или их? — спросил я у Луция на четвертую ночь.

— А какая разница? — ответил он, лежа на спине и глядя в потолок. — Если слышишь «бум» — значит, ты еще жив. Если не слышишь — значит, снаряд попал прямо в тебя.

В окопах не было романтики. Там были крысы. Огромные, жирные, наглые. Они не боялись людей. Они бегали прямо по спящим солдатам, лезли в вещмешки, грызли ремни. Марк как-то ночью проснулся от того, что крыса пыталась откусить ему палец. Он заорал, схватил винтовку и чуть не застрелил соседа.

Сержант Сервилий отобрал у него винтовку, дал подзатыльник и сказал:— Идиот. Если ты сдохнешь от укуса крысы, я буду смеяться на твоих похоронах.

Вчера вечером мы с Луцием сидели на дне окопа. Было холодно.— Помнишь, как мы чинили пресс в кооперативе? — спросил Луций, глядя на мутную воду под ногами.— Еще бы, — усмехнулся я. — Он снова сломался, когда я уезжал.— Бьюсь об заклад, старик Корвин уже проклял нас обоих, — Луций закурил, и дым смешался с туманом. — Хотя, если он снова сломался, значит, там всё по-старому. Жизнь идет.— Идет, — согласился я.

Мы помолчали. Говорить о доме было больно. Слишком свежа была память о том, как мы сидели на рынке и слушали старика про пошлины.— Луций, — сказал я. — А если нас убьют? — Не говори ерунды, — он махнул рукой. — Мы с тобой из Валле-Секка. Мы бессмертные. Как Рим.

Утром мы проснулись от тишины.Не было ни выстрелов, ни свиста. Даже крысы затихли. Это было хуже, чем грохот. Тишина означала, что они готовятся.

— Приготовиться! — раздался голос сержанта. Он был хриплым и каким-то обреченным. — Ожидаем атаку. Не высовываться без приказа!

Я взял винтовку. Руки тряслись. Я попытался зарядить, но магазин выскользнул из пальцев и упал в грязь.— Твою мать! — выругался я, наклоняясь за ним.— Спокойно, — сказал Марк. Он стоял рядом, бледный как полотно, но держался ровно. — Дыши.

Я вставил магазин. Дослал патрон.

В этот момент земля содрогнулась.

Это не было похоже на кино. В кино ты видишь врага. В кино ты знаешь, что делать. Здесь я не видел ничего. Только стену огня, дыма и летящей земли.Раздался оглушительный грохот, и я перестал слышать. В ушах стоял ровный, высокий звон.

Я прижался спиной к стене окопа. Я хотел закричать, но из горла вырвался только хрип. Я видел, как сержант открывает рот, что-то кричит, но не слышал ни слова. Он махнул рукой, показывая на бруствер.

Я поднялся. Медленно, как во сне. Высунул ствол винтовки.

В дыму начали появляться тени. Они бежали к нашим окопам.

Я нажал на спуск. Винтовка дернулась, ударила в плечо. Я не знал, куда попал. Я не видел лиц. Я просто стрелял. Перезаряжал. Стрелял.Рядом со мной стрелял Луций. Его лицо было перепачкано землей, он что-то кричал, но я не слышал.

Вдруг совсем близко, прямо перед моим окопом, что-то взорвалось. Густой, едкий дым накрыл меня с головой.

И в этот момент я замер.

Запах. Этот запах был не как на войне. Он был сладковатым, с примесью горелой пластмассы.

*«Держи ровно. Свет — это инструмент».*В моей голове вспыхнула картинка: наша кухня в Валле-Секка. Ночь. На столе разобранный приёмник. Я держу лампу накаливания, она обжигает пальцы. Отец паяет, и от его паяльника идет такой же сладковатый дым.*«Если ты его трясешь, я вижу не плату, а свою смерть в отражении».*

— Пап, я держу, — прошептал я. — Я держу ровно.

Осколок снаряда ударил в мешок с песком прямо над моей головой. Меня засыпало землей.

Я снова оказался в окопе. В настоящем. В аду.

Я вытер лицо. Высунулся и снова начал стрелять. Я стрелял, пока не кончились патроны. Пока не заклинило затвор.

А потом всё стихло.

Сначала я подумал, что снова оглох. Но нет. Я начал слышать стоны. Плач. Чей-то мат.

Дым медленно рассеивался. Атака захлебнулась.

Я сполз по стене окопа на дно. Мои руки тряслись так сильно, что я не мог расстегнуть кобуру. Ко мне подполз Луций. Он был цел, но у него тряслась челюсть.

— Тит, — прохрипел он. — Ты живой?

Я попытался ответить, но не смог. Из горла вырвался только какой-то нечленораздельный звук.

Я отвернулся и меня вырвало. Прямо на свои сапоги.

Луций не засмеялся. Он просто сел рядом и обнял меня за плечи.

— Первый бой, — сказал он тихо. — Это нормально. Все блюют.

Мы сидели на дне окопа, среди грязи и стреляных гильз, и смотрели, как сержант Сервилий перевязывает раненого.

В этот момент я понял, что мы не бессмертные. Мы не как Рим. Мы просто мясо. Мясо, которому сегодня немного повезло.

Глава 6

Утро после боя было серым и тихим.

Дождь прекратился, но воздух стал тяжелым, как мокрое одеяло. В окопах стоял запах, который я не забуду до конца жизни. Запах сгоревшего пороха, мокрой земли и сладковатый, тошнотворный запах человеческой крови.

Нас подняли с рассветом.

— Похоронная команда! — крикнул сержант Сервилий. Его голос был сорван после вчерашнего ора. — Собираем тела. Своих — налево, в братскую могилу. Чужих — направо, в общую яму. Живо!

Мы вылезли из траншеи. Вчерашнее поле боя превратилось в кладбище. Воронки от снарядов, разорванная колючая проволока, сломанные деревья. И тела. Много тел.

Луций шел рядом со мной. Он больше не шутил. Его лицо было каменным.— Не смотри им в лицо, — тихо сказал он. — Смотри на ноги. Просто бери за ноги и тащи.

Я попытался последовать его совету. Мы подошли к первому телу. Это был солдат Альянса. Молодой парень, светловолосый. Его каска слетела, а глаза были открыты и смотрели в небо. В его груди зияла дыра от винтовочной пули.

Я схватил его за лодыжки. Тело было тяжелым и уже начинало коченеть. Мы оттащили его к яме на нейтральной полосе. Там уже лежали десятки других.

Мы работали несколько часов. Руки онемели. Спина болела. Я перестал считать, сколько тел мы перенесли. Двадцать? Тридцать? Казалось, этому не будет конца.

В какой-то момент я подошел к убитому римлянину. Он лежал лицом вниз, уткнувшись в грязь. Из-под его серой шинели торчали тяжелые армейские ботинки.

Я наклонился, чтобы взять его за ноги. И тут мой взгляд зацепился за обувь.

Это были хорошие сапоги. Крепкие, кожаные, с двойной прошитой подошвой. Такие не выдавали рядовым. Наверное, он был офицером или купил их за свои деньги.

В голове сразу вспыхнули слова деда. Старик всегда чинил свою обувь сам и любил повторять: *«Хороший сапог переживёт хозяина. Плохой сапог подведет в самый нужный момент»*.

Дед был прав. Сапоги были целы. А хозяин — нет. Пуля пробила ему затылок и вышла через глаз.

Я вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Это был не просто мертвый солдат. Это был парень, который сегодня утром, возможно, тоже чистил свою винтовку, думал о доме, о матери, о том, что останется живым. Он надел свои лучшие сапоги. И умер.

— Тит! — окликнул меня Луций. — Ты чего застыл? Тащи его!

Я схватил мертвеца за лодыжки и потащил к братской могиле. Сапоги оставляли борозды в мокрой земле.

Когда мы сбросили его в яму, я посмотрел на свои собственные ботинки. Они были старыми, стоптанными и насквозь промокшими. Я купил их на рынке в Валле-Секка три года назад.

«Хороший сапог переживёт хозяина», — снова подумал я.

Я посмотрел на Луция. Он стоял, вытирая руки о штаны, и смотрел куда-то вдаль. Вчера он смеялся, учил меня, как правильно держать винтовку. Сегодня он выглядел на десять лет старше.

— Луций, — позвал я.

Он обернулся.

— Что?

— Скажи мне, что мы за это воюем.

Он молчал долго. Слишком долго.

— Я не знаю, Тит, — сказал он наконец. — Мне говорили, что мы воюем за торговые пути. За пошлины. За то, чтобы у нас в магазинах было дешевое масло.

Он посмотрел на яму с телами.

— Только вот масло я не ем. А людей закапываю.

Он развернулся и пошел обратно к окопам. Я поплелся за ним.

Вечером нам дали немного времени на отдых. Все сидели в блиндаже и молчали. Кто-то чистил винтовку. Кто-то писал письмо. Марк лежал на нарах и смотрел в потолок.

Я достал из кармана листок бумаги и огрызок карандаша. Я хотел написать отцу. Хотел рассказать ему про сапоги. Про то, что я понял его слова. Про то, что дед был прав.

Но я не смог написать ни строчки. Я положил листок на колени и уставился на него.

Рядом со мной сел Луций. Он ничего не сказал. Просто достал из кармана фляжку и протянул мне.

Я сделал глоток. Это была дешевая водка, которая обожгла горло, но согрела изнутри.

— Я хочу домой, — сказал я тихо.

— Я тоже, — ответил Луций. — Но мы не дома.

Он забрал у меня фляжку и сделал глоток сам.

Мы сидели в тишине. Где-то далеко снова ухнули орудия. Но мы уже не вздрагивали. Мы привыкли.

Я понял, что вчера, во время первого боя, я потерял что-то важное. Не невинность — она испарилась еще в лагере. Я потерял веру в то, что в этой войне есть какой-то высший смысл.

Сапоги пережили хозяина. А вера в Рим умерла.

Интерлюдия 1

Новый Рим. Зал заседаний Сената.

Мраморный пол блестел так, что в нем отражались золотые орлы на потолке. Сенатор Корнелий Скапула стоял у карты мира и водил по ней указкой.

— Потери торговли в Западном регионе — четыре процента, — сказал он. — Это не просто цифра. Это вопрос философии. Либо мы держим океан, либо океан держит нас.

Сенатор Аврелия Флавия сидела в третьем ряду. Она смотрела не на карту, а на Скапулу. Она знала, что четыре процента — это не про океан. Это про суда, которые ходят под флагом его собственной судоходной компании.

— Война обойдется дороже, — сказала она тихо.

Гул в зале стих.

Император Август IV Марк Валерий Север поднял глаза. Он не повышал голоса. Он вообще никогда не повышал голоса.

— Война, — сказал он, — обойдется дороже для тех, кто на фронте. А для империи это инвестиция.

Аврелия хотела сказать, что люди — не инвестиция. Но префект претория Квинт Домиций уже смотрел на нее. Просто смотрел. И она промолчала.

— Сенат не голосует против войны, — подвел итог Скапула. — Сенат голосует против поражения. Это разные вещи. И еще. Со времен Диоклетиана мы платим армии жалованьем, а не землей. Армия не имеет родины, за которую стоит бунтовать. Она имеет только приказ.

Голосование было единогласным. Аврелия воздержалась. Она вышла из зала, и в протоколе осталась одна строчка: «Воздержалась». Протокол не был уничтожен.

Кабинет Императора. Той же ночью.

Север подписал указ о мобилизации. Домиций стоял рядом, держа папку с докладами.

— Китайская Федерация проводит плановые учения у границы Месопотамии, — доложил Домиций.

Север отложил ручку.

— Сколько дивизий мы можем снять с востока?

— Ни одной, Август. Если мы оголим границу, они войдут.

Север долго смотрел на карту. В его глазах не было злости. Только усталость.

— Снимите две, — сказал он. — Мы отправим их в Аквитанию. А на востоке оставим флаги и радио. Пусть думают, что мы там.

— Это риск, — сказал Домиций.

— Это арифметика, — ответил Император. — Мой отец говорил: империя — это не территория. Это привычка. Люди привыкли, что мы есть. Если они перестанут привыкать — нас нет.

Он посмотрел на Домиция.

— Люди — расходный материал, Квинт. Но пусть они думают, что они граждане. Подпиши приказы. И принеси мне еще кофе.

Глава 7

Через две недели после первого боя наша рота получила новый приказ.

Сержант Сервилий собрал нас в блиндаже. Он выглядел мрачнее обычного. В руках он держал лист бумаги с красной печатью.

— Слушайте внимательно, — сказал он, глядя на нас. — Завтра на рассвете через нашу зону ответственности пройдет пропагандистская колонна. Грузовики с листовками, передвижная радиостанция, ящики с наградами. Задача роты — обеспечить их безопасность на маршруте.

— А почему мы? — спросил Марк. — Почему не резерв?

— Потому что командование считает, что на этом участке тихо, — отрезал Сервилий. — Мы прикрываем колонну. Это приказ. Вопросы?

Вопросов не было.

Когда все начали расходиться, Луций подошел к сержанту.

— Сержант, — тихо сказал он. — На этом участке уже месяц никто не ходил. Там же открытая долина. Если Альянс захочет устроить засаду, они выберут именно это место.

Сервилий посмотрел на него тяжелым взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.